Пустошинская Ольга Сергеевна
ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В РАМКАХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/8/10.html
Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник
Альманах современной науки и образования
Тамбов: Грамота, 2010. № 8 (39). С. 30-33. ISSN 1993-5552.
Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html
Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/8/

© Издательство "Грамота"
Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Таким образом, путём реорганизации структуры общесоюзного Наркоминдела была решена задача создания единого органа в центральном аппарате НКИД СССР, который курировал все консульские вопросы. Этим органом стал Консульский отдел, на который было возложено исполнение всей консульской работы в системе НКИД и общее организационное руководство консульской службой на местах.

Список литературы

1. **Амелин Г. К.** Ленинский Декрет о мире и создании дипломатического аппарата советского государства (октябрь 1917-1918 г.) // Советское государство и право. 1967. № 12. С. 58-64.
2. **Ананов И. П.** Очерки федерального управления СССР (Народные комиссариаты Союза СССР). Л.-М.: Государственное издательство, 1925. 211 с.
3. **Выгодский С. Ю.** У истоков советской дипломатии. М.: Издательство политической литературы, 1965. 350 с.
4. **Государственный архив Российской Федерации**. Ф. 130. Оп. 1. Д. 11. Л. 11; Оп. 5. Д. 593. Л. 1, 1-2 об.; Оп. 6. Д. 107(1). Л. 20; Ф. 5283. Оп. 1. Д. 114 (2). Л. 100-104.
5. **Десять лет советской дипломатии (акты и документы).** М.: Литиздат Наркоминдела, 1927. 124 с.
6. **Золотухин Г. А.** Основы консульской службы СССР: учебное пособие. М.: Высшая дипломатическая школа МИД СССР; Кафедра правовых наук, 1961. 101 с.
7. **Ирошников М. П.** Из истории организации Народного комиссариата иностранных дел // История СССР. М., 1964. № 1. С. 105-106.
8. **Кантрович Б.** Организационное развитие НКИД // Международная жизнь. 1922. № 15. С. 51-55.
9. **Очерки истории Министерства иностранных дел России** / главный редактор И. С. Иванов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. II. 1917-2002. 617 с.
10. **Советская дипломатическая и консульская служба**: учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. И. Н. Земского, Н. М. Пегова, В. И. Попова. М.: Дипломатическая академия МИД СССР, 1979. Т. II. 304 с.

УДК 32

Ольга Сергеевна Пустошинская
Тюменский государственный университет

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В РАМКАХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ©

Политический протест представляет собой обратную функцию политической действительности и, следовательно, обнажает проблемные состояния и признаки последней, раскрывает сложившееся в результате самых разнообразных внутринациональных и международных факторов соотношение политических сил и характер взаимодействий между основными агентами политического процесса – государством, институтами представительства интересов и гражданами. В соответствии с этим особое значение приобретает вопрос о детерминированности рассматриваемого явления.

Обращает на себя внимание поливариантность теорий, которые могут быть адаптированы к проблемному полю и в рамках которых осуществлено осмысление вопроса. Анализ массива информационной базы позволяет выделить психологический, социо- и политико-психологический, а также культурологический подходы, парадигмы конфликта, несбалансированности общественной системы и кризиса политического участия. Некоторые из них рассматриваются в данной статье.

Поскольку анализируемый концепт немыслим без внутрисубъективной компоненты, представляется адекватным сосредоточить, прежде всего, внимание на исследованиях, посвященных эмоциональной атмосфере общества. В понимании Т. Гоббса человек – существо перманентно склонное к насилию, что объективирует повсеместное распространение в обществе деструктивных проявлений, устранение которых возможно лишь в рамках диктата государства [3, с. 38-48]. Ч. Мэрриам, используя психоаналитический подход к анализу политических явлений, обосновывает обусловленность политического поведения врожденными качествами человека, такими как воля, жажда власти и предрасположенность к насилию [12, с. 163-171]. В трактовках других авторов содержатся положения, согласно которым агрессия имеет природу не только инстинктов, но является результатом опыта. Э. Дюркгейм глубоко убежден, что материя общественной жизни не может объясняться чисто психологическими факторами. Базовыми причинами эмоций, устремлений он считает социальные условия, в силу которых «бесформенное вещество» индивидуальных свойств определяется и преобразуется [Там же, с. 172-184]. Разрабатывая проблему аномии, детерминирующей социальную напряженность, исследователь приходит к выводу, что состояние бифуркации и дезориентации коллективного сознания, общественной дезорганизации, означающее, что «никто не знает в точности, что возможно…, что справедливо…; нельзя указать границы между законными и чрезмерными требованиями…, а потому все считают себя вправе претендовать на все…» [4, с. 79], может быть вызвано как болезненными кризисными детерминантами, так и благоприятными, однако форсированными преобразованиями, когда прежняя иерархия разрушается, а внедряемая схема группового сосуществования не получает морального оправдания и укоренения. Продолжая дюркгеймскую традицию, Р. Мертон обосновывает тезис о давлении на личностную подсистему социокультурных факторов, заключающемся в безусловной мотивации индивида на высокий материальный и социальный статус при закрытости или суженности каналов вертикальной мобильности, что побуждает его к нонкомформной стратегии [11, с. 277, 284, 312, 319].

© Пустошинская О. С., 2010

Экзистенциалисты, радикализирующие тему свободы выбора, значимости и неповторимости каждой отдельной личности, подвергающейся в современном обществе обработке диктатурой одномерности и переживающей чувство крайнего отчуждения, следствием которого становится тотальный нигилизм и установка на политический экстремизм, причины видят в вызванной техногенными процессами и прогрессирующей бюрократизацией и стандартизацией экспансии когнитивно-деятельностного пространства потребительским началом, ведущим к дегуманизации и девальвации истинной духовности [10, с. 1-526; 13, с. 1-687].

Увязывая внутриличностные процессы и социальные детерминанты, П. А. Сорокин, основываясь на методологических принципах бихевиорализма, устанавливает корреляцию между ущемлением у значительной части населения самых важных врожденных инстинктов и волнениями, мятежами, революциями. Голод, обнищание при обогащении других, угроза жизни и здоровью, обусловленные войной, репрессиями, делинквентностью, несправедливое игнорирование заслуг и достижений при завышенной оценке менее достойных лиц – перечень не исчерпывающий, но указывающий «основные рубрики» необходимостей, массовое и предельное ограничение которых, по мнению социолога, депрессирует тормозные механизмы и, вызывая стихию безусловных рефлексов, провоцирует реакцию, направленную на низвержение существующего порядка. Бессилие господствующих элит, неспособных противодействовать деструктивному вектору или переориентировать его в соответствии с логикой приемлемых форм, детерминирует неизбежность драматического развития событий [15, с. 209-292].

Ряд исследователей в качестве факторов, порождающих чувства обездоленности, недовольства, рассматривают фрустраторы, непреодолимо блокирующие удовлетворение острого желания или достижение заветной цели, что вызывает состояние аффикции и является мотивирующей установкой к протестному поведению. При этом необходимым условием переживания фрустрации признается относительная депривация, в основе которой лежит сравнение собственного положения с референтной группой или стандартом [Там же, с. 209-292]. Т. Гарр определяет данный процесс как расхождение между ценностными экспектациями, то есть морально легитимированными благами и условиями жизни, и реально и потенциально достижимыми возможностями. Им представлено три варианта возникновения в социуме враждебных настроений, порождающих насилие: убывающая депривация, при которой групповые экспектации остаются относительно постоянными, а ценностные возможности вследствие финансово-экономического или политического кризиса воспринимаются как снижающиеся; устремленная депривация, когда возможности статичны, в то время как экспектации в результате распространения новых идей, вызывающих ожидание более высоких жизненных стандартов, усиливаются; прогрессивная депривация, характеризующаяся существенным и одновременным возрастанием в периоды экономического роста экспектаций и снижением в силу причин как объективного, так и регулирующего характера возможностей [2, с. 70-74].

В рамках конфликтной модели, прежде всего представленной экономическим направлением концепций основоположников марксизма-ленинизма, утверждается перманентность классового противостояния, обусловленного неразрешимыми противоречиями между сегментами общественно-экономической формации, трудом и капиталом, творческим началом личности и рутинизацией интенсифицированного процесса создания материальных благ. С одной стороны, источник антагонизмов кроется в способе производства, задающего неизбежность коренной перестройки конфигурации производственных отношений в случае превращения их на определенном эволюционном этапе из форм развития производительных сил в их оковы, с другой – в контроле над собственностью на средства производства, механизм которого объективирует дихотомичность социальной дифференциации, эксплуатацию, неравенство доступа к совокупному общественному продукту и, как следствие, непримиримое расхождение и столкновение классовых интересов, ведущее к политической борьбе и революционной мобилизации при условии общенационального коллапса, обострения выше обычного нужды и бедствий масс, значительного повышения социальной активности [8, с. 3, 25, 61-69; 9, с. 162-190]. Необходимо отметить, что в настоящее время в силу амбивалентности глобализационных сдвигов, придавших мощный импульс технологическим, коммуникативным, интегративным процессам и одновременно определивших динамику кризисов мировой финансово-экономической системы, что привело к обострению прежних контрастов и конфликтогенных факторов, обозначился спрос на левые идеи. Эскалация социальной напряженности и усиление протестной подвижности вызвали доктринальную ретроспекцию и возвращение классового анализа в систему парадигмальных объяснительных схем. Рядом радикально ориентированных теоретиков, оспаривающих апологетику концепций индустриального и постиндустриального государства благосостояния и обосновывающих классовый конфронтационный характер современных социальных отношений, осуществлено переосмысление и стилизация научной мысли доктринальных реликтов применительно к действительности с учетом эндо- и экзоизмерений. В пределах указанного подхода фиксируются три исследовательских ракурса, позволяющих описывать реальность в несколько отличных друг от друга понятиях и строить альтернативные прогнозные сценарии. В качестве тактического приема альтерглобалистами, например, выбран механический перенос традиционно формулируемых для отдельных обществ законов в наднациональную плоскость, сопровождаемый универсализацией концептов классов, идентифицируемых по месту в системе производства и обозначаемых как субъекты политической войны. К «множеству» в дефиниции М. Хардта и А. Негри или «глобальному трудовому классу» в определении Г. Кагарлицкого причисляются все те, кто вынужден продавать свою рабочую силу и находится под властью всемирного капитала, представленного транснациональными корпорациями, интересам которых подчинена приносящая колоссальные выгоды мировая экономика [6, с. 144; 18, с. 137-138].

При этом авторы исходят из презумпции изначальной заложенности в нематериальном производстве предпосылок идеальной организации жизнеустройства. По их мнению, господство интеллектуального информатизированного труда способствует не только распространению режима империи на все грани планетарного социума, включая мыслеформы, чувственные и поведенческие компоненты, и их колонизацию, но и открытию дополнительных каналов для инакомыслия, мобильности, формирования глобальной антирыночной солидарности и сопротивления [7, с. 65; 16, с. 31; 18, с. 7, 25]. В развивающемся сетевом креативном сообществе усматриваются контуры построенного на принципах паритета возможностей, самоуправления, свободного выражения воли, партнерства порядка, получившего в классических теориях название «социалистического». И. Валлерстайн, устанавливая двухуровневую конструкцию классов и демаркируя последние по политическим основаниям, месту в зоне накопления и статусу в мировой иерархии разделения труда, внутригосударственные классовые отношения выводит из наднациональных, считая первые производными от позиции группы на континууме странового модернизационного развития и политического доминирования триады «центр-полупериферия-периферия» [1, с. 44-45, 84-88]. Попытка увязать оба уровня воедино предпринята также российским автором Ю. И. Семеновым. Его понимание проблематики сводится к экономическому обоснованию разграничения классов и признанию того факта, что исследуемый феномен имеет совмещенную двусоставную, структурированную вертикальными и горизонтальными расколами по типу «господство-подчинение» конституцию, в которой атрибутивность глобальных антагонистов служит дополнением классовой структуры отдельных обществ [14]. Отсюда эклектизм поведения рядовых акторов, принадлежащих к гражданам наиболее сильных держав.

С одной стороны, они совместно с монополистами образуют группу эксплуататоров вследствие получения поступающего от периферии продукта, с другой, являются протогонистами системы, выступая, к примеру, в защиту свертываемых правительствами социальных программ или против развязывания элитократией военных конфликтов. В свою очередь, протест наиболее ущемленных слоев населения в странах третьего мира носит усиленный двойной степенью экономической нужды и политического прессинга характер и проходит под лозунгами не только антикапитализма, но антиатлантизма, антиамериканизма, антилиберализма. В связи с этим выдвигается предположение, что реальную аккумулированную опасность для мировой капиталистической системы несет в себе протестное движение, разворачивающееся в странах периферийного сектора [5].

В контексте анализа перспектив формирования протеста на современном историческом этапе интересной представляется точка зрения М. Ю. Урнова, опирающегося в своих исследованиях на достижения зарубежной мысли и пришедшего к выводу, что западные сообщества с относительно высоким уровнем и качеством жизни, отличающиеся зрелым достижительным типом поведения, характеристиками которого выступают индивидуализм, рациональное целеполагание, установка на самостоятельность и соперничество, более склонны к стрессовому процессу, чем к токвилеву. Проблема как локальных, так и широкоформатных протестов массовых и институционализированных акторов в таких государствах актуализируется в периоды ухудшения экономической ситуации. Напротив, в находящихся в состоянии модернизации и либерализации традиционных и посттоталитарных системах, где переход к модели конкурентной экономики и политики далек от завершения, вероятность возникновения нестабильности высока на стадии подъемов, когда результирующая болезненных реформ приобретает отчетливые контуры [17, с. 180-185].

На основе вышеизложенного можно констатировать, что выделяется чрезвычайное многообразие причин макро-, мезо- и микроуровней, приводящих к вызреванию политического протеста. Они могут актуализироваться как в силу психофизиологических факторов, так и стать следствием назревших экономических, социальных, политических социо-культурных проблем и трансформаций. Соответственно, их осмысление в науке осуществляется в рамках междисциплинарного подхода. Тем не менее, вопрос о детерминированности политического протеста остается открытым.

Список литературы

1. **Валлерстайн И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
2. **Гарр Т.** Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.
3. **Гоббс Т.** Левиафан, или материя, форма, власть государства церковного и гражданского: соч. в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. Глава XIII. О естественном существовании человеческого рода в его отношении к счастью и бедствиям людей.
4. **Дюркгейм Э.** Самоубийство: социологический этюд / пер. с франц. А. Н. Ильинского. М.: Мысль, 1994.
5. **Ермолаев С.** «Классовая война» в «гипермаркете»: кто против кого? [Электронный ресурс]. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_594.html (дата обращения: 29.10.2009).
6. **Кагарлицкий Б. Ю.** Глобализация и левые. М.: Логос, 2001.
7. **Кагарлицкий Б. Ю.** Восстание среднего класса. М.: Ультра; Культура, 2003.
8. **Ленин В. И.** Государство и революция. М.: Петит, 2007.
9. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 25. Ч. 1.
10. **Маркузе Г.** Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ.; послеслов. и примечан. А. А. Юдина. М.: АСТ, 2002.
11. **Мертон Р.** Социальная теория и социальная структура // Социально-политический журнал. 1996. № 5.
12. **Мэрриам Ч.** Новые аспекты политики // Там же.

13. Сартр Ж.-П. Дьявол и господь бог: пьесы / пер. с франц. Г. С. Брейтбурда. М.: Правда, 1967.
14. Семенов Ю. И. Современный мир и основные тенденции его развития [Электронный ресурс]. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_594.html (дата обращения: 29.10.2009).
15. Сорокин П. А. Социология революции. М.: Аспект Пресс, 2008.
16. Тарасов А. Н. Путь назад // Свободная мысль. 1995. № 6.
17. Урнов М. Ю. Эмоции в политическом поведении. М.: Аспект Пресс, 2008.
18. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

УДК 321.01

Евгения Викторовна Романова
Санкт-Петербургское государственное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система Калининского района»

SANG MERAH PUTIH VS DRAPEAU DE MONACO (ФЛАГ ИНДОНЕЗИИ И ФЛАГ МОНАКО)©

Государственный флаг является отличительным знаком государства, одним из основных государственных символов наряду с гербом и гимном. На сегодняшний день государственным флагом считается прямоугольное, реже квадратное полотнище определенной расцветки, утвержденной законом. Цвета и эмблемы, которые могут располагаться на полотнище флага, не являются произвольными: в каждой стране они несут в себе определенный символический смысл, который имеет два пути возникновения. Во-первых, значение элементов государственного флага может уходить своими корнями в древнейшую историю страны, то есть быть связанным с местной геральдикой, историческими символами и народными преданиями. Во-вторых, флаг может быть создан специально, а его элементам придано значение в соответствии с требованиями времени или конкретными пожеланиями населения страны и правительства. В данном случае имеет место введение в обиход новейшей геральдики. Но каковы бы ни были истоки происхождения государственного флага, он является символом суверенитета государства.

Исходя из сказанного, очевидно, что в идеале каждая страна должна иметь свой собственный уникальный флаг, легко отличимый от флагов других государств. Однако на практике зачастую происходит несколько иначе. Государственные флаги многих стран имеют сходный внешний вид, а некоторые практически идентичны. Примером такого сходства являются государственные флаги Республики Индонезии и Княжества Монако.

Как индонезийский, так и монакский флаги представляют собой прямоугольное полотнище, состоящее из двух равновеликих полос, размещенных горизонтально. Сверху располагается полоса красного цвета, снизу – белого.

Флаг Монако был официально утвержден 4 апреля 1881 года во время правления князя Карла (Шарля) III, возглавлявшего страну с 1856 по 1889 год и основавшего знаменитое казино в Монте-Карло. Индонезийский флаг был утвержден значительно позже; 17 августа 1945 года красно-белое полотно, сшитое руками жены первого президента республики Сукарно, было поднято на бамбуковом шесте в момент провозглашения независимости Индонезии от Нидерландов.

Утверждение индонезийским правительством в качестве государственного флага полотнища, идентичного по своему виду с флагом Княжества Монако вызвало недовольство монакского правительства, которое поспешило заявить официальный протест [6]. Этот протест был, тем не менее, отклонен правительством Индонезии, поскольку индонезийцам удалось доказать своё историческое право на красно-белый флаг даже несмотря на то, что официально он был утвержден на шестьдесят четыре года позже монакского.

История происхождения современного государственного флага Монако тесно связана с историей страны и историей княжеского рода Гримальди, члены которого были выходцами из Генуи.

Примерно с X века до н.э. на месте современного Княжества Монако существовало финикийское укрепление, затем долгое время эти территории находились под контролем Римской Империи вплоть до ее распада в 476 году. В 1191 году германский император Генрих VI утвердил сюзеренитет Генуи над Монако, а датой начала современной истории Монако считается 10 июня 1215 года, когда генуэзец Фулько дель Кассельо начал строительство крепости на вершине скалы Монако. Вокруг крепости вырос город, который заселили выходцы из Генуи.

Легенда гласит, что «ночью 1297 года в ворота небольшой крепости у Средиземного моря на юго-востоке нынешней Франции постучался оборванный бродячий монах-францисканец, – из тех, что просили милостыню во имя Христа. Стражник заворчал… но все же открыл ворота, чтобы впустить странника на ночлег. Никто в ту ночь не мог даже представить, что “монах” станет основателем династии, правящей в Монако вот уже более 700 лет. Под плащом францисканца скрывался дерзкий воин. Он, не колеблясь, выхватил нож, зарезал стражника и впустил в крепость своих вооруженных сообщников. Звали воина – Франческо Гримальди» [3].

© Романова Е. В., 2010